

МАЙЯ ЛУНДЕ
СНЕЖНАЯ
СЕСТРЁНКА

ИЛЛЮСТРАЦИИ ЛИЗЫ АЙЗАТО

Сокровища книжной иллюстрации

Майя Лунде

Снежная сестрёнка

«Издательство АСТ»

2018

УДК 821.113.5-93
ББК 84(4Нор)-44

Лунде М.

Снежная сестрёнка / М. Лунде — «Издательство АСТ»,
2018 — (Сокровища книжной иллюстрации)

Скоро Рождество. На Рождество в доме всегда пахнет имбирным печеньем, мандаринами, корицей, а под ёлкой лежат подарки. А ещё у Юлиана день рождения. Но, кажется, в этом году праздник в их семье так и не наступит, ведь старшей сестры Юлиана, Юни, с ними больше нет... Незадолго до сочельника опечаленный Юлиан встречает девочку по имени Хедвиг, которая верит: у него всё будет хорошо. Только вот в доме самой Хедвиг происходит что-то странное. Почему, кроме неё, там никого нет? И что за таинственный старик иногда бродит у неё в саду? Что же скрывает Хедвиг?

УДК 821.113.5-93

ББК 84(4Нор)-44

© Лунде М., 2018
© Издательство АСТ, 2018

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	19
Глава 4	24
Глава 5	30
Глава 6	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Майя Лунде Снежная сестрёнка

Maja Lunde
SNØSØSTEREN

Published in agreement with Oslo Literary Agency.

The Russian language publication of the book was negotiated through Banke, Goumen & Smirnova Literary Agency.

© Text: Maja Lunde

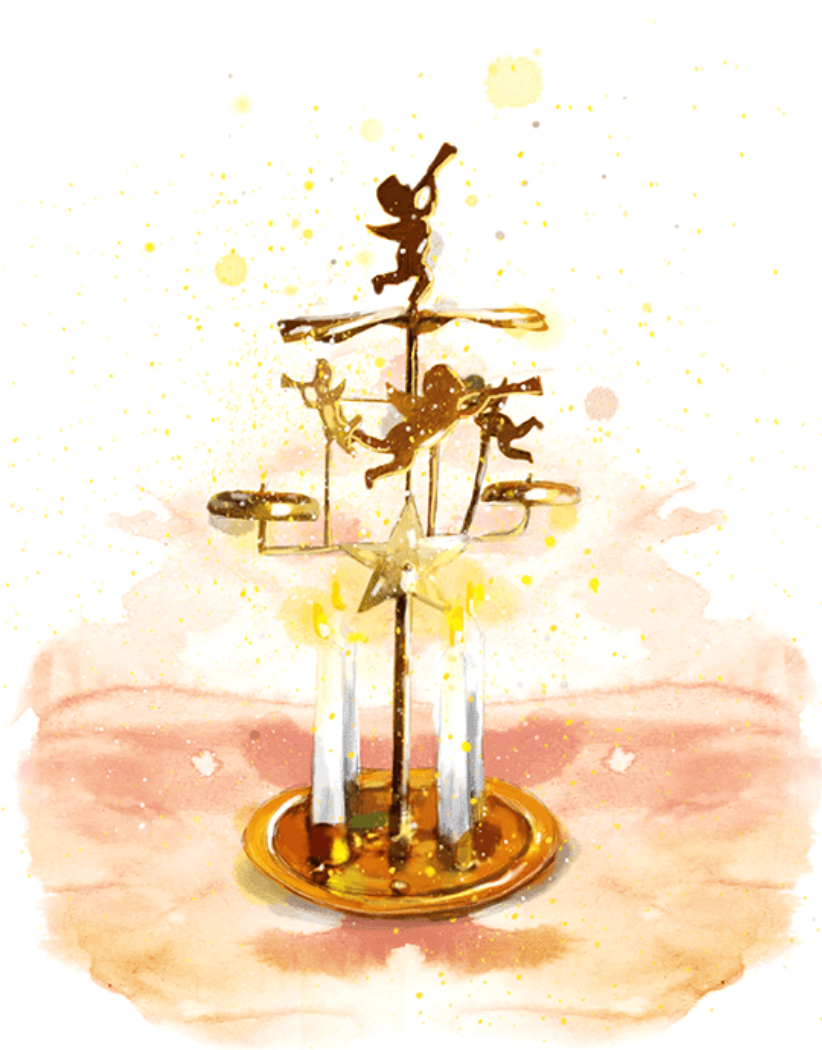
© Illustrations: Lisa Aisato

First published by Kagge Forlag AS, 2018

© Е.С. Рачинская, перевод на русский язык, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

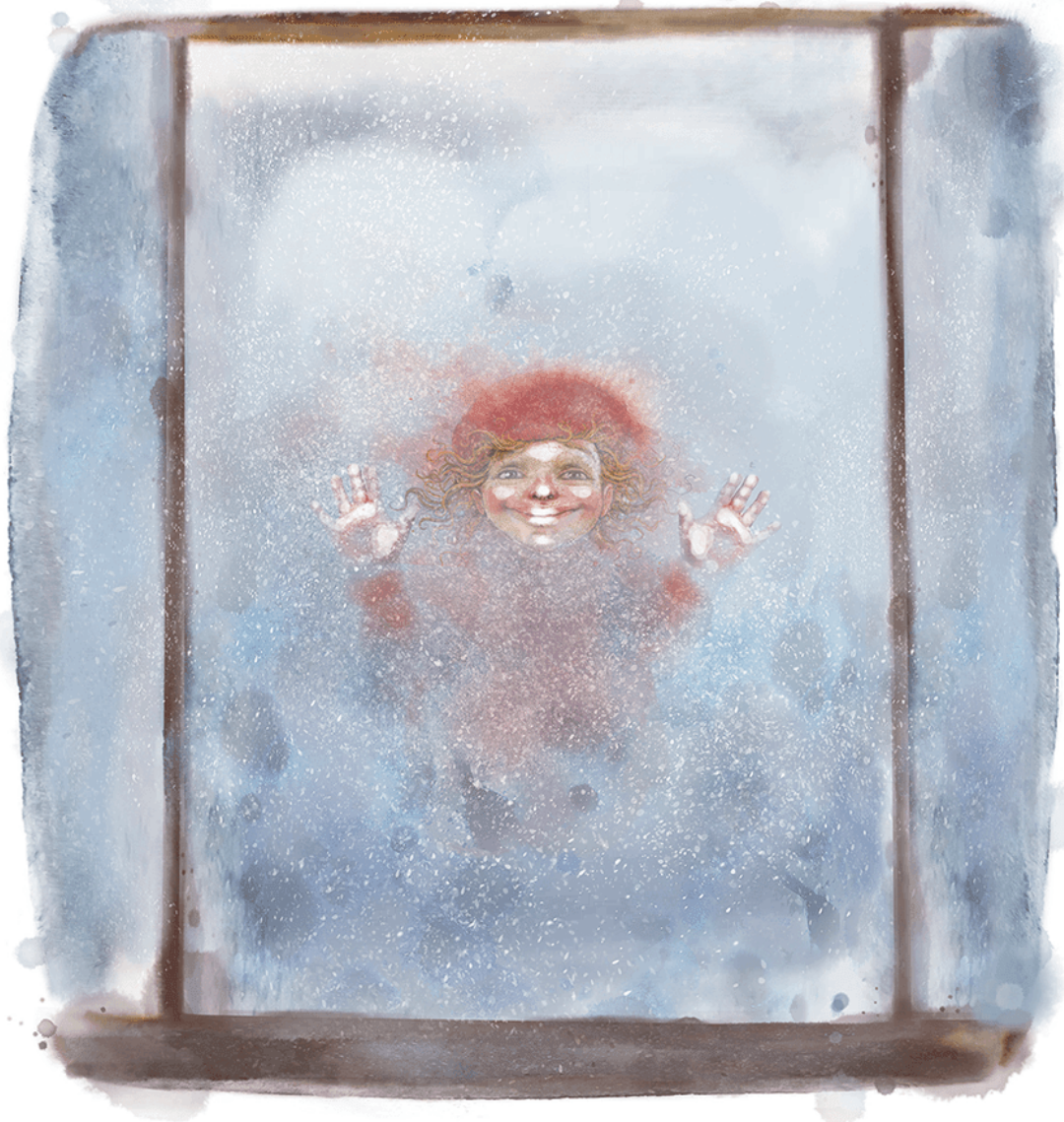

Глава 1

Я расскажу тебе о Хедвиг. О том, как она стала моим лучшим другом, и о том, как я её потерял. И о моей сестре Юни. Она уже тогда покинула меня, и всё же остаётся со мной до сих пор.

Впервые я увидел Хедвиг, когда плавал в бассейне. Она стояла на улице, прижавшись носом к стеклу, так что первым я заметил нос, а на носу – великое множество веснушек. Хедвиг заглядывала внутрь и была совсем одна. Шёл снег, снежинки садились ей на шапку, на выглядывавшие из-под шапки огненно-рыжие волосы и на толстое шерстяное пальто – кстати, красное, как шуба Юлениссе, он вроде вашего Деда Мороза.

Плавал я уже долго. Тогда я часто ходил в бассейн, почти каждый день. Плавал взад-вперёд. Всё больше под водой. Поднимал голову на каждом втором гребке, чтобы вдохнуть, а потом снова опускал в воду. Поднимаю, вдыхаю, делаю гребок, опускаю, выдыхаю, затем – новый гребок. Пока я плавал, мне не нужно было думать ни о чём другом, только о дыхании, плавании и воде. К тому же это помогало отточить технику. Когда ходишь в бассейн каждый божий день, как ни крути, а с каждым разом плаваешь всё быстрее и быстрее. На несколько десятых долей секунды быстрее, чем в прошлый раз.

Собственно, я стал ходить в бассейн потому, что туда ходил Юн, мой лучший друг. Мы оба терпеть не могли футбол и вместо него стали плавать. В тот день, когда появилась Хедвиг, Юн тоже был в бассейне. Он пришёл чуть позже меня. Помню, он стоял на бортике и дрожал от холода. Смотрел на воду и, похоже, боялся прыгнуть. Я подплыл, вылез на бортик и встал рядом.

- Привет, – сказал Юн.
- Привет, – ответил я.
- Вода холодная? – спросил Юн.

- Немного, как обычно.
- Тогда ладно, – произнёс Юн.
- На улице похолодало, – заметил я.
- Да, – подтвердил Юн. – Снег идёт.
- Да.
- И вчера шёл, – вздохнул Юн.
- Ну да.
- Да, – сказал Юн.
- Да, – повторил я.

Мы замолчали. Вода капала с меня на голубую плитку пола: кап-кап-кап. «Надо бы сказать что-нибудь», – подумал я. Юн, похоже, совсем замёрз. Он обхватил себя руками, будто сам себя обнимал. Мерзлявый, и это неудивительно для такой тонкой щепки, как он. Юн – самый мелкий в классе. Как и я. В этом мы тоже похожи.

Теперь ты наверняка подумаешь, будто и подружился мы только из-за маленького роста и нелюбви к футболу, и что нам не о чем разговаривать. Неправда. У нас было о чём поговорить. Раньше. Мы начинали болтать, как только встречались утром по пути в школу, и не останавливались, пока не расходились по домам спать. Когда мы проводили время вместе, мне даже не приходилось задумываться, о чём говорить. Будто Юн – волшебная кнопка: стоило нажать – и слова извергались из меня потоком. Длинные фразы, без передыху. Передышки случались, разве только чтобы дать Юну возможность излить встречный поток слов. И мы много смеялись, Юн и я. До икоты. Катались по полу от смеха и не могли остановиться. Мама называла этот смех жемчужным – он звучал так, будто сыпались и раскатывались по полу крупные белые жемчужины.

Но всё это было раньше. После того лета мы с Юном больше не смеялись вместе. Каждый раз при встрече мне приходилось судорожно подыскивать слова. Фразы теперь получались короткими и всё больше о погоде. Я никогда столько не говорил о погоде, как в последние полгода. А я-то всегда думал, о погоде говорят только взрослые.

Юн, наверное, решил, что нет смысла вот так стоять и мёрзнуть. Да и мне стоять и капать на пол надоело. И мы оба прыгнули в воду.

Я снова стал плавать кролем туда-обратно. Я видел, как Юн старается плыть рядом, но не успевает за мной. Теперь я плавал быстрее него, ведь с лета я бывал в бассейне чаще.

Поднимаю голову, вдыхаю, делаю гребок, опускаю голову, выдыхаю, затем – новый гребок.

И тут я отвлёкся. Я увидел, что спасатели украсили к Рождеству свою будку. На окошке, выходящем на бассейн, они повесили гирлянду из мигающих лампочек.

Да, Рождество ведь Юль по-нашему. И скоро сочельник. Лучший день в году...

Считать сочельник лучшим днём в году – дело обычное, но у меня для этого есть особые причины. Дело в том, что на канун Рождества-Юля приходится мой день рождения. Потому меня и зовут Юлиан. Мне должно было исполниться одиннадцать. Причин для радости хоть отбавляй. Но я не радовался. Совсем. Меня очень беспокоило, каким будет это Рождество.

Уверен, ты тоже чётко знаешь, каким **должно** быть Рождество: где и с кем его праздновать, чем украсить ёлку и как она должна пахнуть. И тебе наверняка хочется, чтобы каждый год всё было так, как всегда. Вот и мне так хотелось. А дома у нас всегда было вот как...

Вечером в малый сочельник¹ мы с сёстрами укладывались спать, а мама с папой наряжали ёлку. А утром, в сам сочельник, проснувшись, я всегда боялся, что они не успели всё украсить. Я осторожно открывал дверь своей комнаты, крался по коридору второго этажа, замирал на верхней ступеньке лестницы и прислушивался. Я старался расслышать звуки Рождества: позвякивание подсвечника-карусели с ангелами – его ставили на каминную полку, – потрескивание дров в камине, голоса хора мальчиков, исполнявших «Тихую ночь», которую

---

¹ Малым сочельником в Норвегии называют день, предшествующий сочельнику, и празднуют его 23 декабря. Сочельник же празднуют 24 декабря.

мама всегда включала в этот день. Эти мальчики так красиво поют, что меня каждый раз аж дрожь пробирает.

Убедившись, что все нужные звуки на месте, я тихонько спустился по лестнице и подкрадывался к дверям гостиной. Там я опять останавливался, на этот раз, чтобы принюхаться. Ведь Рождество должно и пахнуть по-особому. У нас дома Рождество пахло ёлкой, благовониями, поджигаемыми в специальной курительнице, имбирным печеньем, мандаринами, корицей и какао. А какао, между прочим, – лучший напиток на свете. Так вот, когда я убеждался, что пахнет как надо, я наконец решился распахнуть дверь в гостиную.

Сделав первый шаг, я снова замирал и моргал, потому что из-за всей рождественской позолоты гостиную было не узнать – там царили такие красота и уют, что у меня дух захватывало. И там меня ждали мама с папой. Они обнимали меня и говорили: «С днём рождения и с Рождеством, наш любимый рождественский мальчик! Иди скорей, будем пить какао и завтракать». А за столом, полным разных вкусностей, уже сидели мои сёстры и улыбались. Мы желали друг другу счастливого Рождества: малышка Августа, родившаяся в августе; я, средний, родившийся на Рождество; и Юни, наша старшая, – вы уже, конечно, догадались, что она родилась в июне.

...Юни, моя сестрёнка. Она была с нами каждое Рождество. Но теперь её место за столом пустовало. Дело в том, что Юни умерла. Её похоронили на кладбище у церкви. Потому-то в тот день в бассейне, плавая взад-вперёд, я всё время думал: какое же Рождество нас ждёт в этом году?

Я попытался снова сосредоточиться на плавании. Поднимаю голову, вдыхаю, делаю гребок, опускаю голову, выдыхаю, затем – новый гребок. И вдруг я сбился с ритма, вдохнул не вовремя, и мне в нос попала вода. В носу и в горле запершило. Я отплыл на мелкую половину бассейна и стал откашливаться. Вот тогда-то я и заметил Хедвиг. Она стояла на улице, заглядывала в окно и так сильно прижималась веснушчатым носом к стеклу, что тот побелел. Когда Хедвиг увидела, что я смотрю на неё, она отскочила от окна и удивлённо вытаращила на меня глаза. Я огляделся. Похоже, никто, кроме меня, её не замечал. Юн, во всяком случае, сосредоточенно плавал взад-вперёд. А я её видел, и она видела меня. Хедвиг подняла руку и помахала мне.

Я помахал в ответ. И тогда она улыбнулась. Во весь рот. Такой широченной улыбки я ещё не видел.

Глава 2

Когда я вышел на улицу, Хедвиг по-прежнему была там, но уже не у окна, а недалеко от входа. В сиянии фонаря её красное пальто светилось, на шапке искрились снежинки. Она подпрыгивала на месте, очевидно, чтобы согреться. Увидев меня, она снова расплылась в широкой улыбке, сорвалась с места и остановилась прямо передо мной.

– Ну наконец-то! – воскликнула она.

– Что? – озадаченно спросил я.

Она стояла и просто смотрела на меня. Я не знал, что сказать. Она явно меня дожидалась. Но почему? Мы были знакомы, и я её просто не узнал? Может, раньше учились вместе? Или она какая-нибудь кузина, или троюродная сестра, которую я мог видеть на одном из семейных праздников? Я перебирал в голове варианты, но не мог вспомнить, чтобы прежде встречал её. Думаю, такую мордашу я бы запомнил. Маленькое веснушчатое лицо с зелёными глазами, будто светящимися в темноте, большой улыбающийся рот, щербинка между передними зубами.

– Меня зовут Хедвиг, – наконец произнесла девочка. – Ой, нет, погоди, надо же представиться как подобает, полным именем. Меня зовут Хедвиг... ой, как бы мне хотелось ска-

зять: Хедвиг Виктория Юханна Розендал Экелунд или что-нибудь этакое... но тогда бы я тебе солгала. А лгать, как известно, не подобает, особенно при первом знакомстве.

Она замолчала, чтобы перевести дух. И правильно сделала. Ведь произнесла она всё это на одном дыхании. Не прервись она сейчас, точно потеряла бы сознание от нехватки воздуха. Потом она протянула мне руку и сказала:

– К сожалению, меня зовут Хедвиг Хансен. Просто Хедвиг Хансен. «Ну и что? – скажешь ты. – Нормальное имя». Некоторые так и говорят: весьма практично. У них-то у самих наверняка имена поинтереснее, они даже не представляют себе, как скучно и обыденно зваться просто Хансен. У меня даже второго имени нет. Даже такого захудалого, как, например, Анна. Родители не удосужились вставить между Хедвиг и Хансен даже такого скучного имени, как Герд. Знаешь, я очень обижена на своих родителей. Могли бы проявить хоть капельку фантазии, когда придумывали мне имя.

– Понятно, – пробормотал я, – ясно.

Больше я выдавить из себя ничего не смог. Я никогда ещё не сталкивался с людьми, которые говорят так много и на такой скорости. Поди пойми, как отвечать на такие признания. Тут я увидел, что она до сих пор протягивает мне руку, и поспешно её пожал.

– Юлиан, – представился я. – Юлиан Вильгельмсен.

– Добрый день, Юлиан! – ответила Хедвиг. – Ты даже не представляешь себе, как необычайно, душераздирающе я рада познакомиться с тобой.

– М-м-м, э-э-э, нет, не представляю, – промычал я.

– Идём? – сказала Хедвиг.

– Ага, – согласился я.

Я-то собирался домой, и, если Хедвиг было со мной по пути, чего ж отказываться. Она вприпрыжку бежала рядом и вправду выглядела «необычайно, душераздирающе» счастливой. Я, пожалуй, даже не припомню, чтобы видел кого-нибудь таким радостным.

– Ты здорово плаваешь, – сказала она и улыбнулась. – Взад-вперёд, взад-вперёд. Да так быстро! Как ты этому научился? Давно? Часто тренируешься?

– Да, – ответил я.

– Представляю себе! Как чудесно вот так плавать, рассекая воду, будто акула! Ты часто представляешь себя акулой, рассекающей воду на бешеной скорости в погоне за добычей? Такой огромной, страшной акулой. Или весёлым, выпрыгивающим из воды дельфином. Я обожаю дельфинов! А ты? Они будто всё время улыбаются. Обращал внимание, что дельфины улыбаются? Мне кажется, это оттого, что они бесконечно счастливы. Как думаешь? Они ведь умеют так быстро плавать и потому не могут сдержать улыбки от радости.

– Да, – ответил я.

– Ты что-то не особо разговорчив, – пробурчала Хедвиг. – Но ты мне всё равно очень нравишься. И потом, ты умеешь плавать. Ты понимаешь, как тебе повезло, что ты так невероятно хорошо плаваешь?

– Я, признаться, об этом раньше не думал.

– А следовало бы подумать! И хорошенько, – сказала Хедвиг.

Впервые за время нашего знакомства она надолго умолкла. Я взглянул на неё. Теперь она не улыбалась, а смотрела на меня чуть ли не строго, ведь мне следовало со всей отчётливостью осознавать, как мне повезло, что я научился плавать. И тут я понял.

– А ты... Ты не умеешь плавать? – спросил я.

Хедвиг сразу не ответила, но в глазах её блеснули слёзы.

– Нет.

Она вздохнула и проглотила комок в горле.

– Я хотела бы этого больше всего на свете, – тихо проговорила она. – Думаю, если бы я умела плавать, то была бы более цельным человеком.

– Да ты и так выглядишь довольно цельной, – сказал я. – Не переживай.

Какое-то время мы шли молча, пока не вышли на главную улицу. Как всегда – как в прошлом году, и в позапрошлом, и за год до этого, – она сверкала рождественскими украшениями. Между домами висели оплетённые красными лентами гирлянды из еловых веток и больших сверкающих снежинок. Хедвиг задрала голову и взглянула на светящиеся над нами огоньки.

– К счастью, на свете есть много других причин для радости.

– Да, наверное.

– Вот Рождество, например. Разве оно не прекрасно? Разве не кажется, будто от такой красоты сейчас сердце лопнет, разлетится на тысячи сверкающих осколков?

– Ну да, довольно красиво, – согласился я.

Обычно я с нетерпением ждал, когда наконец украсят главную улицу, но в этом году я даже не заметил, как это случилось. Увидел только сейчас, хотя до Рождества оставалась всего неделя.

– Довольно красиво?! – воскликнула Хедвиг. – И это всё, что ты можешь сказать о Рождестве – о самом прекрасном, замечательном и уютном времени в году?

Она посмотрела на меня чуть ли не со злостью.

– Знаешь, что я думаю?

– Нет.

– Думаю, ты слишком много плаваешь.

Я ничего не ответил и вдруг почувствовал, что прямо закипаю от злости. Да кто она такая, эта девчонка? Объявилась неожиданно-негаданно, увязалась за мной и донимает меня своей болтовнёй! Да ещё и ведёт себя так, будто мы тысячу лет знакомы!

– Сколько хочу, столько и плаваю!

– Не сомневаюсь! – выпалила Хедвиг.

– А ты, кстати, чего не учишься плавать, раз прям так об этом мечтаешь?

– А вот это не твоё дело!

Хедвиг уставилась на меня. В её глазах сверкнули сердитые молнии.

– Ну всё, пока! Тебе пора домой обедать!

– Пока! Тебя дома ужин ждёт, – сказала Хедвиг.

– Вообще-то я сначала обедаю, а потом ужинаю, – заметил я.

– Можно подумать, меня это волнует!

– Ты слишком много болтаешь!

– А ты нем как рыба!

– Пока!

– Прощай!

– Ну я пошёл.

– Давай!

И я прибавил шагу. Вот дура! Глупая болтушка! А сколько всяких чудных слов говорит! «Душераздирающе»! Слава богу, отвязался! Больше бы не вынес ни одной секунды её болтовни!

Тут сзади снова раздался её голос.

– Юлиан!

Я продолжал идти. Ни за что не обернусь!

– погоди! – кричала она. – Юлиан, подожди! Прости!

Глава 3

Я прошёл ещё несколько метров и снова услышал голос Хедвиг: «Я не хотела тебя обидеть!».

И потом я услышал, как она бежит за мной. Тогда я обернулся. Она неслась так быстро, будто на крыльях, и совсем запыхалась, когда догнала меня.

– Прости, прости, прости! – затараторила она.

Я не знал, что и сказать. Может, мне тоже надо было извиниться? Но я не видел в этом смысла. Всё равно с ней больше не увижусь.

– Мне надо домой, – сказал я.

– Так уж и надо? – спросила Хедвиг.

– Уроки надо делать, – ответил я.

– Сегодня же пятница! – воскликнула Хедвиг.

– Дополнительные, – соврал я. – Целую кучу... э-э-э... на выходные задали. Новая методика.

– А я думала, мы подружимся... – проговорила Хедвиг.

– Подружимся?

– Наверное, это прозвучит странно, – сказала Хедвиг. – Но мне кажется, мы оба будем ужасно жалеть, если не подружимся. Если мы вот так сейчас расстанемся навсегда, то будем сожалеть об этом поступке всю оставшуюся жизнь.

– Что? Сожалеть об этом поступке всю оставшуюся жизнь?

Пожалуй, страннее этой девчонки я ещё никого не встречал.

– Поэтому я так считаю: вместо того чтобы расстаться, нам надо пойти ко мне в гости, – заявила она.

– Вот как?

И тут Хедвиг снова улыбнулась. У неё была такая обезоруживающая улыбка, что я не мог на неё не ответить.

– Можем сварить какао, – предложила Хедвиг.

– Какао? – переспросил я.

Меня, признаться, даже немного испугало, что она упомянула именно какао, ведь, как ты помнишь, какао я люблю больше всего на свете.

– У меня и имбирное печенье есть, – сказала Хедвиг.

– Имбирное печенье?

У меня аж в животе заурчало. Имбирное печенье я, кстати, тоже люблю больше всего на свете. Особенно с какао.

– Здесь недалеко, – продолжала Хедвиг. – Я живу тут, за углом, на Прибрежной улице, в доме номер два.

– Ну ладно. Уроки могут и подождать, раз у тебя есть какао.

Вот так я и попал к Хедвиг Хансен домой.

Старинный белый дом прятался в глубине большого сада. Деревья и кусты вокруг были окутаны снегом, из окон струился тёплый свет, а на двери висел огромный еловый венок, перевитый красной шёлковой лентой.

Хедвиг открыла дверь и вошла.

– Есть кто-нибудь? – крикнула она.

Никто не ответил.

– Скоро вернутся, – сказала она.

Я снял ботинки. На полу в прихожей стояло много всякой обуви: коричневые мужские ботинки, чёрные дамские сапожки, какая-то явно мальчишечья обувь приблизительно моего размера.

– У тебя есть брат? – спросил я.

– Да, – ответила Хедвиг. – Старший. Буду рада вас познакомить. Он отлично рисует. Я тоже иногда пытаюсь. Я ведь точно знаю, что хочу нарисовать, в голове у меня полным-полно чудесных картин, но у меня никак не получается извлечь их наружу, понимаешь, о чём я? На бумаге они превращаются в какие-то каракули и вообще ни на что не похожи. А вот на рисунках моего брата... фигуры будто вот-вот оживут и спрыгнут с бумаги. Я очень хочу, чтобы вы познакомились, тогда сам увидишь.

Хедвиг взяла у меня куртку и повесила рядом со своим пальто. Места едва хватило – на вешалке было полно зимней одежды, шарфов и шапок.

– Добро пожаловать на виллу «Веточка», – торжественно произнесла Хедвиг. – Самое лучшее место на свете!

– У дома есть имя?

– Все уважающие себя дома носят имена, – ответила она. – А у твоего дома разве нет имени? Тогда ты должен сказать родителям, пусть пораскинут умом и поскорее найдут вашему дому подходящее забавное имя! Вилла «Веточка» – разве не прекрасно звучит?! Оба слова начинаются с буквы «в», получается так складно. Когда мы сюда переехали, я сразу поняла, что мне будет здесь хорошо. В доме с таким славным именем не может быть плохо.

– Точно! – согласился я. – А когда вы сюда переехали?

– Когда я была совсем маленькой. Ну пойдём, – сказала Хедвиг. – На кухню – это туда.

Она повела меня по длинному коридору со множеством дверей. Некоторые были приоткрыты, но разглядеть обстановку в комнатах я не смог. Хедвиг подошла к третьей двери слева и открыла её.

За дверью оказалась просторная, покрашенная в голубой цвет кухня. Здесь так вкусно пахло едой и имбирным печеньем, что у меня опять засосало под ложечкой. На стенах висели сковородки и кастрюли, а у плиты стояла большая крынка в цветочек с воткнутыми в неё поварами и венчиками. Хедвиг явно привыкла здесь хозяйничать. Она сняла с одного из крючков на стене кастрюлю, поставила её на плиту, достала из большущего холодильника молоко, нашла в одном из ящичков шоколад, налила молоко в кастрюлю, покрошила туда шоколад, вытянула из цветастой крынки венчик и стала размешивать.

– Ты часто сама готовишь? – спросил я.

– Конечно, – ответила Хедвиг, – особенно какао.

Она мешала очень аккуратно, не разбрызгивая. Вдруг она воскликнула: «Нам же понадобятся сливки!».

Хедвиг кинулась к холодильнику и вытащила оттуда уже взбитые сливки.

– Остались с завтрака, – сказала она.

– Вы пьёте какао на завтрак по будням?

– Почти каждое утро. Если я захочу.

– А ты хочешь?

– А ты как думаешь?

Она засмеялась, обнажив щербинку между передними зубами.

Хедвиг налила какао в синие кружки, а сверху положила по большущей ложке взбитых сливок. Потом выставила на стол имбирное печенье и сделала приглашающий жест рукой:

– Прошу к столу, мой дорогой гость. Ты не представляешь, как я рада, что встретила тебя.

И пока мы сидели на кухне, пили какао, а взбитые сливки оставляли у нас на верхней губе роскошные белые усы, какие бывают у стариков, я подумал: не она одна рада нашему знакомству. Я, например, не просто был рад, у меня возникло чувство, будто наша встреча очень важна для нас обоих...

Но о том, что Хедвиг изменит всю мою жизнь, я пока не догадывался.

Глава 4

Когда мы допили какао, я подумал, что настало время собираться домой, хотя, если честно, уходить мне совсем не хотелось. Но нельзя же торчать в гостях у незнакомой девочки целую вечность.

– Мне, наверное, пора, – сказал я.

– Наверное, пора? – переспросила Хедвиг.

– Ну, наверное, да? – произнёс я и услышал, что моё утверждение превратилось в вопрос.

– Не уверен – не обгоняй, – выпалила Хедвиг и засмеялась.

– Чего?

– Так обычно говорит мой брат. И он прав. Если ты не уверен, что тебе пора, значит, ты можешь побыть ещё чуть-чуть. Я так считаю. И он бы так сказал, я уверена.

– Вот как, – сказал я. И понял, что этот её брат начинает мне нравиться.

– Любишь в прятки играть? Надеюсь, любишь. Все нормальные люди любят. И раз уж ты совершенно случайно попал в лучший в городе дом для игры в прятки, было бы верхом глупости отказываться, ведь так?

– Наверное, так.

– «Наверное»! Опять – «наверное»? Не наверное, а **наверняка!**

– Ну ладно, – сказал я и почувствовал, как у меня аж мурашки побежали от радости.

– Я буду водить, а ты – прятаться, – предложила Хедвиг. – Будет несправедливо, если я стану прятаться первой, я ведь каждый уголок в этом доме знаю, тебе точно меня не найти. А чего я точно не хочу, так это, чтобы ты меня потерял.

И она встала у двери.
– Считаю до двадцати.
Хедвиг зажмурилась.
– Один... Два... Три...

Я вышел в коридор, тихонечко прикрыл за собой дверь на кухню и огляделся. С каждой стороны было по три двери, а в конце коридора – лестница на второй этаж. Я кинулся к ближайшей двери и открыл её. Гостиная. Я юркнул внутрь. Комната была оклеена зелёными обоями. От печи в углу веяло теплом. Гостиную тоже украсили к Рождеству: на окне висели бумажные юлениссе и рождественские звёзды. Вдоль одной из стен стоял огромный бархатный диван с мягкими подушками. Он напоминал добрую бабушку, распахнувшую внуку свои объятия. Мне захотелось забраться на него и зарыться в подушки.

Однако сейчас мне нужно было спрятаться, а в гостиной подходящего места я не нашёл. Я снова выбежал в коридор. Хедвиг продолжала считать.
«Десять... Одиннадцать... Двенадцать...»

Я открыл следующую дверь. Какая у них большая библиотека! Все стены сплошь в книгах. Я подошёл поближе. Старинные. Коричневые корешки с позолотой. На полу толстый ковёр, у окна белое кресло-качалка, на подоконнике гигантский адвентский подсвечник – три свечи, как и положено, наполовину сгорели, ведь очень скоро последнее воскресенье адвента². Здесь совсем негде спрятаться, а надо уже поторапливаться.

² Адвент – предрождественский период, продолжающийся четыре недели до Рождества. В подсвечник ставят четыре свечи,

«Пятнадцать... Шестнадцать... Семнадцать...»

Я оглянулся и застыл на месте. Странно...

Как же так?

Белое, сверкающее свежей краской кресло-качалка стало серым. Краска будто вытерлась, её покрывал толстый слой пыли.

Я постоял, потёр глаза, проморгался. «Наверное, это игра света», – подумал я. С одной стороны кресло было белым, с другой – серым.

Ну ладно, сейчас не до этого.

«Девятнадцать... двадцать...»

Надо срочно прятаться!

Я поспешил в коридор, обернулся последний раз на кресло, и, представьте себе, теперь оно было белым. Точно, игра света.

Я открыл следующую дверь. Оказалось, она ведёт в тесную узкую кладовку. Я заскочил туда и услышал слова Хедвиг: «Кто не спрятался, я не виновата».

Звук её шагов скрадывал толстый ковёр на полу, но я оставил дверь кладовки приоткрытой и в щёлку видел, как Хедвиг крадётся по коридору.

Она не спеша заглянула в каждую комнату, потом стала подниматься по лестнице на второй этаж и исчезла. Надолго.

Я затаив дыхание стоял в кладовке. Было тесно, от острого запаха хранившихся там моющих средств щекотало в носу, затылок колола щетина щётки. Я хотел устроиться поудобнее, но лучше было не шевелиться, а то ненароком смахнёшь что-нибудь с полок.

Я снова подумал о кресле. Да, просто игра света. И всё же... такого со мной раньше не случилось – чтобы свет сыграл такую шутку. Если дело в нём, конечно.

В доме стояла абсолютная тишина. Шагов Хедвиг я больше не слышал. Как долго она ищет... А что, если она ушла? Что, если я остался в доме один?

Не то чтобы я испугался из-за этого кресла, но всё-таки. Дом чужой, как-то не очень оставаться здесь без неё, совсем одному.

Может, мне пойти её поискать? Может, она решила, что не будет больше играть, а мне не сказала...

И вдруг дверь кладовки резко распахнулась.

От неожиданности я вздрогнул.

Передо мной стояла Хедвиг и хохотала.

– Нашла, нашла! Вообще-то я с самого начала знала, что ты здесь прячешься. Когда шла мимо, видела сквозь щель, как блестят твои глаза, но я решила – пусть думает, будто я его не вижу, дай-ка я его обхитрю. Я поднялась наверх здесь, а спустилась по чёрной лестнице – она с другой стороны, ты сквозь щель не мог меня видеть. Ой, я тебя напугала? Юлиан, дорогой, скажи хоть что-нибудь! Я напугала тебя? Ты такой бледный! Я не хотела тебя пугать, просто подумала, так будет веселее. Прости, пожалуйста, если напугала!

Меня всего трясло, и я наверняка побледнел. Да, она действительно меня напугала. Но чтобы не расстраивать её, я улыбнулся.

– Всё нормально, – сказал я. – Ну ты меня и разыграла!

Хедвиг снова засмеялась.

– Ещё бы! Я мастер на такие штуки! Теперь ты водишь! Обещаю не прятаться там, где тебе будет трудно меня найти!

Я посмотрел на часы.

– Ой, скоро обед. Мне пора домой.

– Правда пора? На самом деле?

Она выглядела такой несчастной, будто я отнял у неё самый большой и красивый подарок из-под ёлки.

– Тебе же, наверное, тоже скоро пора обедать?

– Да, – ответила Хедвиг, – пожалуй, да.

Мы пошли в прихожую, я нашёл свои ботинки и снял с вешалки куртку.

– Мы же ещё увидимся? – спросил я.

– Непременно! – воскликнула Хедвиг.

И лицо её озарилось улыбкой.

– Ты же придёшь завтра?

– Уже завтра?

– Завтра же суббота. Приходи на завтрак. Я приготовлю! Ты даже не представляешь, какую вкусную глазунью я готовлю!

Я рассмеялся.

– Думаю, мне придётся позавтракать дома.

– Да? Ну а после завтрака? Приходи! Ты же придёшь после завтрака? Сможешь? Ну пожалуйста!

Я кивнул.

– Да, после завтрака смогу.

Пока я шнуровал ботинки, я подумал, что не только смогу, но и очень хочу и уже с нетерпением жду завтрашнего дня. В первый раз за последнее время.

Глава 5

Домой от Хедвиг я бежал вприпрыжку. Бежать было порядочно, она жила довольно далеко от нас, но всю дорогу меня как будто бы окутывало тепло виллы «Веточка». Надо же – жить в таком доме, уже украсить всё к Рождеству! У нас дома даже пуансеттии³ ещё не купили. Мама с папой, похоже, забыли, что до Рождества осталось всего шесть дней.

«Может, они сегодня вспомнят», – подумалось мне. Вдруг мама по дороге с работы зашла на рынок и купила цветок. А папа достал из кладовки адвентский подсвечник из латуни, и вовсю его начищает, и уже позвонил маме, и попросил её купить четыре сиреневых свечи. И, может, придя домой, я увижу, что три из них уже зажжены.

Вот на что я надеялся. Каждый день по дороге домой я на это надеялся. Но дома всё оставалось по-прежнему, Рождеством и не пахло.

Я открыл дверь и вошёл, как раз когда часы пробили пять. Пахло рыбными котлетами.

Рыбные котлеты. Это знак? С чем-чем, а с Рождеством они не имели ничего общего. Да и с пятницами, впрочем, тоже. Но в последнее время рыбные котлеты мы ели на обед довольно часто. Рыбные, или мясные, или остатки вчерашнего обеда. Похоже, родители забыли, что на свете есть и другая еда.

В прихожей меня встречала Августа, младшая сестрёнка.

– Обед, – сказала она.

– Да уже понял. Привет, кстати.

– Привет.

---

³ Пуансеттия, или молочай красивейший – растение с красными лепестками и жёлтой сердцевинкой, которым в Европе украшают дома на Рождество.

Августе пять, и она достаёт мне до локтя. Она пахнет так, как обычно пахнут детсадовские дети: мылом, молоком и мокрыми резиновыми сапогами. У неё мягкие круглые щёки, к которым мне нравится прижиматься носом. Но она мне не всегда разрешает. Если Августа

говорит «нет», это значит «нет», потому что Августа знает, чего хочет, а чего не хочет. Иногда она ужасно сердится, и тогда мама поднимает руки к небу и восклицает: «Я не знаю, что делать с этим ребёнком!». А папа удивляется, как это Августа до сих пор не взлетела на воздух, как бочка взрывчатки. Потому они и прозвали её Динамитом.

Впрочем, с лета они её больше так не называют. Ведь Августа перестала взрываться...

Я отправился за сестрой на кухню. Обед был уже на столе. Картошка в мундире, рыбные котлеты и тёртая морковь. Всё во мне опустилось. И сегодня у нас не появилось ни рождественского цветка, ни подсвечника.

Мама потрепала меня по волосам. Папа приобнял.

– Привет, Юлиан, – сказала мама.

– Как прошёл день? – спросил папа.

– Нормально, – ответил я.

Больше я не стал ничего говорить, да никто ничего и не спрашивал. Никто на меня даже не смотрел. Родители задают такие вопросы скорее по привычке; ответ, в принципе, никого не интересует.

– А у вас всё нормально? – спросил я и положил себе на тарелку картофелину.

– Да, – ответила мама.

– Да, – ответил папа.

– Да, – ответила Августа.

И мы молча стали снимать шкурку каждый со своей картофелины. Я взглянул сначала на маму, потом на папу. Выглядели они как обычно.

У мамы всё тот же пучок, у папы всё те же очки. Сколько себя помню, они всегда так выглядели. И всё же за последние полгода они стали другими. Будто за столом сидели их копии, клоны, которые не совсем знали, какими были мои мама с папой. Не знали, что папа постоянно планировал, чем мы займёмся в выходные или через год, при этом радуясь и слегка подпрыгивая от нетерпения на стуле. А мама... Она всегда рассказывала смешные случаи, приключившиеся на работе, и иногда так громко хохотала, что мне становилось за неё неловко, а вот папа обожал её смех. По его словам, он и влюбился в неё из-за её смеха.

Теперь всё стало по-другому. Они больше не были самими собой, только напоминали тех маму с папой, прежних.

Тут у меня кусок застрял в горле. А вдруг правда?! Вдруг маму с папой подменили? Заменили на клонов? И настоящие мама с папой больше никогда к нам не вернутся.

Даже Августа была копией себя прежней. Она тихонько сидела, аккуратно отправляя вилкой кусочки себе в рот, не сорила и даже не сердилась. Я понял, как соскучился по моему Динамиту, очень соскучился.

...Но больше всего я тосковал по Юни, моей старшей сестре. Да мы все по ней тосковали, это я знал наверняка. Как бы мне хотелось, чтобы мы все вместе пошли на кладбище навестить её, но мама с папой почему-то не хотели. И я не знал почему. Как-то осенью я отправился туда один. На могиле было пусто – ни цветов, ни свечей. Неужели Юни там лежит? Понять такое казалось невозможным. Холодный камень и могила, поросшая сорняками, – это всё, что от неё осталось?

– Ох-ох-ох, – вздохнула мама.

– Ох, – эхом отозвался папа.

– Опять снег пошёл, – сказала мама.

– Да, – сказал папа.

И здесь, похоже, все в состоянии говорить только о погоде.

– Я вот что подумал, – проговорил я.

- Что? – спросила мама.
- Не пора ли достать адвентский подсвечник?
- Подсвечник? – удивился папа.

Оба уставились на меня, будто я заговорил о летающей тарелке. Будто они слыхом не слыхивали, что такое подсвечник.

- Скоро же последнее воскресенье перед Рождеством, – сказал я.
- Да, ты прав, – согласилась мама.
- Точно, – согласился и папа.
- Так давайте достанем! – воскликнул я.
- Да, наверное, пора, – отозвалась мама.
- Ну да, – произнёс папа. – Смотри, какой крупный снег пошёл.

И они стали обсуждать снег: какой он мокрый, какие большие хлопья...

После обеда мама отправилась чистить снег. Я украдкой поглядывал на папу. Ну теперь-то он спустится в кладовку и принесёт латунный подсвечник и чистящий порошок. Но вместо этого папа стал возиться на кухне, потом принялся закладывать бельё в машину. Тем временем

мама закончила со снегом и взялась пылесосить. Видимо, наводить чистоту стало их любимым занятием. Раньше они столько не убирались.

К тому времени как я отправился спать, на столе так и не появилось ни подсвечника, ни свечей. Внутри у меня разгорался маленький холодный огонёк. Злой огонёк. Я забрался под одеяло. Как мне всё это надоело! Надоели эти странные копии родителей, которые ни на что не способны. Надоело, что всё вроде бы как раньше, но в то же время совсем по-другому. Надоели эти вечные рыбные котлеты. Всё надоело!

Глава 6

На следующее утро, после завтрака, я побежал к Хедвиг. Она была в саду, катила здоровенный снежный ком. Он уже так вырос, что скоро ей его с места не сдвинуть. Хедвиг не слышала, как я подошёл. Я остановился у белого штaketника, почти рядом с ней.

– Эй, – крикнул я.

Хедвиг обернулась и улыбнулась во весь рот.

– Ты пришёл! – воскликнула она.

– Ну да, вроде как.

– Подумать только, ты пришёл! А я не верила, совсем не верила. Нет, я имею в виду, я надеялась, даже пальцы скрестила, даже молилась – шёпотом, правда, – но всё равно сомневалась, что ты придёшь, ведь это было бы слишком хорошо, чтобы оказаться правдой.

– Не уверен – не обгоняй, – сказал я.

Хедвиг рассмеялась. А потом кивнула на ком.

– Помоги, а то он дальше не хочет двигаться.

Я открыл калитку и побежал к Хедвиг. Вместе мы покатали снежный ком по глубокому снегу, и с каждым метром он становился всё больше. В конце концов он так вырос, что его было не сдвинуть, даже вдвоём.

– Больше не получится, – сказала Хедвиг, – но и так уже хорошо.

– Ага, – подтвердил я. – А хорошо для чего?

– Ну, я не знаю. А ты как думаешь? Конечно, мы можем слепить снеговика, у меня и морковка для носа есть, и старая шляпа. Может, и трубка старая отыщется. Но снеговик – это так скучно! Может, придумаем что-нибудь другое? Снежная баба – уже не так скучно. Или давай слепим ребёнка, огромного ползущего малыша. Или старушку, настоящую сердитую тётушку, или озорного братца, или...

– Сестрёнку, – это слово будто само соскочило у меня с языка.

– Снежную сестрёнку! Отличная идея, Юлиан!

– Но это совсем не обязательно, – пробормотал я. – Может, лучше сердитую тётушку?

– Нет-нет, – сказала Хедвиг, – мы слепим себе сестру, старшую. Мне всегда так хотелось иметь старшую сестру! Я очень люблю брата, но мне всегда хотелось и сестру тоже. И теперь она у меня будет! Из снега!

И мы слепили старшую сестру. Снег был липким, и работа спорилась. Оказалось, у Хедвиг золотые руки. Мы скатали комочек поменьше и водрузили на большой, а сверху ещё – самый маленький. Потом вылепили плечи и руки. Нижний огромный ком превратился в широченную юбку.

– Это она нарядилась, – сказала Хедвиг, – на Рождество.

Мы вылепили снежной сестрёнке длинные волосы, нос, сделали из шишек глаза. В конце Хедвиг собрала букет из еловых веток и закрепила у неё в руках.

– А вот и рождественский букет! – воскликнула Хедвиг. – Старшей сестре непременно полагается букет на Рождество.

– Непременно.

Больше я произнести ничего не смог. Не знаю, как так получилось, но наша снежная сестрёнка была похожа на Юни. Такого же роста, волосы такой же длины, и даже подбородок точно такой же, как у Юни.

Я зажмурился.

Вот бы...

Вот бы, когда я их открою, там стояла Юни. Настоящая живая Юни.

И я поспешно открыл глаза. Глупый Юлиан. Это просто снег, снег из сада Хедвиг. Две шишки и еловые ветки. Ничего больше.

В горле застрял комок, я отвернулся. Хедвиг положила руку мне на плечо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.